Глава 518

Старейшина Лянь Чэн

Шэнь Цинхун помрачнел; его лицо напоминало ледяную маску, а температура вокруг него упала на несколько градусов. Он явно был взбешен поступком Шэнь Саньхо. Он и подумать не мог, что Шэнь Саньхо возьмет его духовные камни, чтобы бросить вызов Цзян Чэню, а затем, ничего ему не сказав, займется уединенным культивированием.

— Этот мерзавец, видать, проиграл! — воскликнул Не Чун, пользуясь возможностью подлить масла в огонь.

Поступок Шэнь Саньхо застал всех сторонников Шэнь Цинхуна врасплох. Множество людей попробовали бросить Цзян Чэню вызов, и все они потерпели неудачу. Если они оставят это просто так и больше не будут бросать ему вызов, все их планы, все их интриги, все их попытки разрушить репутацию Цзян Чэня пойдут крахом, а слухи, которые они распускали, начнут воспринимать как жалкое нытье. И в итоге получится, что они лишь помогли Цзян Чэню прославиться!

Но кого из них следующим отправить на схватку теперь, когда Шэнь Саньхо проиграл? Жун Цзыфэна? Не Чуна?

Они были самыми сильными поверенными Шэнь Цинхуна, но вот в дао пилюль они едва ли были сильнее Шэнь Саньхо. Так кого же тогда послать? Самого Шэнь Цинхуна?

Шэнь Цинхун был бы не прочь, но голос разума подсказывал ему, что в этом случае следует быть необычайно осторожным перед тем, как принимать какие-либо решения. Поскольку он был главным гением Верховного Района, Шэнь Цинхун знал: каждое его действие против Цзян Чэня станет предметом оживленного обсуждения, каждый промах будет преувеличиваться. Вне зависимости от результата, слухи о произошедшем разнесутся по всей секте.

Если он победит, все будут воспринимать это как данность, ведь он — лучший гений. Но этого будет недостаточно, чтобы доказать, что Цзян Чэнь — пустышка. Но если он проиграет, его репутации конец, и он невольно сделает Цзян Чэня главным представителем младшего поколения Королевского Дворца Пилюль. А этого он позволить не мог.

— Пока можете идти. Мне нужно кое-куда сходить.

Несмотря на все свои недостатки, Шэнь Цинхун был человеком решительным. Он, не мешкая, отправился в Пик Сотни Старейшин. Вскоре он оказался у дверей одной из обителей.

Она принадлежала Старейшине Лянь Чэню, главному среди досточтимых старейшин. Также здесь присутствовал дед Шэнь Цинхуна, Глава Зала Весны и Осени, Старейшина Цзинь Гу.

— Цинхун, на сей раз ты оказался в очень непростой ситуации. Тебе будет непросто расхлебать кашу, которую ты заварил.

Старейшина Лянь Чэн был старым, лысым мужчиной с ястребиным взглядом и густыми бровями.

Старейшина Цзинь Гу слегка вздохнул:

— Старый брат Лянь Чэн, кто бы мог подумать, что этот Цзян Чэнь окажется таким

своевольным и непокорным? Он должен был отнестись к Цинхуну с должным уважением, которого заслуживает главный гений Розовой Долины, но этот Цзян Чэнь повел себя совершенно бестактно. Нельзя винить Цинхуна в том, что он вышел из себя.

Старейшина Лянь Чэн слегка улыбнулся, в его глазах загорелся хитрый огонек:

— Что же нам, по-твоему, делать, Цзинь Гу? Дать Цинхуну бросить вызов Цзян Чэню? Если Цинхун победит, все будут воспринимать эту победу как нечто само собой разумеющееся. Если он проиграет, все наши предыдущие усилия пойдут прахом.

Старейшина Цзинь Гу был невероятно удручен:

— Все это — вина Старейшины Юнь Не. Если бы он не настаивал на своем предложении, и отбор проводился только среди гениев боевого дао, как Цзян Чэнь смог бы попасть в Верховный Район?

Он был одним из тех, кто вечно винит в свои бедах окружающих; будь у него запор, он бы скорее обвинил отхожее место в своих проблемах, чем самого себя.

Старейшина Лянь Чэн же полностью проигнорировал его жалобы:

— Цзинь Гу, если ты и вправду веришь своим словам, ты просто обманываешь самого себя. Если Цзян Чэнь — истинный гений, он бы все равно рано или поздно оказался в Верховном Районе. По-моему, теперь, когда ситуация стала слишком напряженной, старшему поколению не стоит особо сильно вмешиваться. Пусть молодежь сама решает свои проблемы. Их успех или поражение будут полностью зависеть от них самих.

Старейшина Цзинь Гу тут же возразил:

— Старый брат Лянь Чэн, у Цинхуна и так слишком много проблем. Он — первый гений секты, и он поставлен в заведомо проигрышное поражение. Он ничего не добьется, если выиграет, этим он никого не удивит. Но если он проиграет, если он хоть на йоту уступит Цзян Чэню, он станет посмешищем. Это нечестно!

Старейшина Лянь Чэн слегка покачал головой, чуть не потеряв дар речи от методов воспитания Старейшины Цзинь Гу. Ему даже возражать ему не хотелось; он обратился к Шэнь Цинхуну:

— Цинхун, как ты думаешь, ты был поставлен в проигрышное положение?

Шэнь Цинхуну было на это нечего ответить. Он не понимал, что имеет в виду его достопочтенный мастер.

Старейшина Лянь Чэн тихо произнес:

— Ты пользуешься максимумом привилегий и ресурсов. Ты никогда не думал, что это не слишком честно по отношению к другим? Если ты сейчас начнешь жаловаться на то, что ты оказался в заведомо проигрышном положении, я буду крайне разочарован в тебе.

Шэнь Цинхун помрачнел. Он пришел попросить своего достопочтенного мастера о совете, но он не ожидал, что вместо этого мастер начнет читать ему нотации, да еще и так серьезно. Шэнь Цинхун не знал, что же ему делать.

Старейшина Лянь Чэн слегка вздохнул:

— Для тебя, Цинхун, благородное происхождение и хороший старт в жизни стали и даром, и проклятьем. Тебе все давалось легко, в Королевском Дворце Пилюль все дороги были открыты перед тобой. К сожалению, из-за этого ты теперь и оказался в такой ситуации.

— Что ты такое говоришь?

Старейшина Цзинь Гу был крайне недоволен. Ты же учитель Шэнь Цинхуна по боевому дао; неужто ты будешь сидеть сложа руки и смотреть на то, как твой ученик терпит неудачу за неудачей?

Хотя Старейшина Лянь Чэн говорил по делу, Старейшине Цзинь Гу было на это наплевать. Его волновало одно: положение его внука под угрозой! А это было все равно, как если бы под угрозой оказалась его собственная территория. С чего бы Старейшина Цзинь Гу стал думать о каких-то абстрактных вопросах морали и философии? Он думал лишь о том, как защитить свою территорию и уничтожить любого, кто осмеливался даже подумать о том, чтобы угрожать ему.

— Старый брат Лянь Чэн, мне кажется, что, как бы там ни было, Цинхуну нельзя потерпеть такое унизительное поражение. Если мы дадим этому низкому Цзян Чэню выйти из этой истории победителем, в будущем положение Цинхуна в Верховном Районе непременно окажется под угрозой. Более того, после череды успехов Цзян Чэня Цзюнь Мобай и Лин Би-эр тоже начали действовать самостоятельно. Боюсь, это может послужить началом цепной реакции!

Цзюнь Мобай и Лин Би-эр уже давно жаждали занять место Шэнь Цинхуна. С появлением еще более несговорчивого Цзян Чэня Шэнь Цинхуну пришлось иметь дело с тремя крайне амбициозными учениками, угрожающими его положению. Шэнь Цинхуну явно не светило ничего хорошего. Так что Старейшина Цзинь Гу не хотел потворствовать развитию в Верховном Районе такой атмосферы. Он хотел подавить эти перемены в зародыше и на примере Цзян Чэня преподать урок всем остальным.

Старейшина Лянь Чэн чуть не лишился дара речи, выслушав Старейшину Цзинь Гу. Какой же узколобый человек! Он повернулся к своему ученику:

— Цинхун, говори. Как ты собираешься решать эту проблему? Какой помощи ты ждешь от своего мастера?

— У вашего ученика все еще остается надежда, и я хочу положить всему этому конец, наконец-то вызвав Цзян Чэня на соревнование по дао пилюль, — честно сказал Шэнь Цинхун.

— Ты уверен? — медленно спросил Старейшина Лянь Чэн, оценивающе глядя на ученика.

Шэнь Цинхун уверено кивнул:

— Цзян Чэнь уже успел повлиять на мое сердце дао. Если я не одолею его, в нем непременно появятся трещины.

Старейшина Лянь Чэн слегка вздохнул:

— Мы приходим в этот мир ни с чем, и уходим ни с чем. Изначально наши сердца не ведают печалей, но поселяются там, когда мы наполняем их стремлениями к материальным благам и удовлетворением своих прихотей. Цинхун, твой мастер прочитал эти слова в одном древнем

фолианте много лет назад и размышлял над ними в течение шестидесяти лет, пока не понял их смысл. Ты слишком много думаешь, отчего твое сердце дао становится уязвимее к внешним влияниям. Если бы ты твердо придерживался пути дао и не создавал столько проблем, не теша свое тщеславие, ты бы не оказался в такой ситуации.

— Твой потенциал в боевом дао невероятен, ты находишься на пороге сферы мудрости. Почему ты так упорствуешь в своей нетерпимости к чужим талантам? Разве ты со своим уровнем не получил бы место на Состязаниях по дао пилюль? Даже если Цзян Чэнь и Му Гаоци получат два места, любому ясно, что два других места достанутся тебе и Лин Би-эр. А что и теперь? Ты лишь используешь свое положение лучшего гения, чтобы травить нескольких новичков.

— Тебе не кажется, что тебе стоит думать о предстоящей Великой Церемонии Мириады? Или даже загадочной Высшей Сфере Мириады?

Старейшина Лянь Чэн говорил убедительно, не отрывая взгляда от лица Шэнь Цинхуна. Он словно хотел прочесть мысли ученика.

Шэнь Цинхун деревянным голосом ответил:

— Речи достопочтенного мастера весьма разумны. Ваш ученик действительно был несколько ослеплен обстоятельствами и не видит общей картины. Но я уже принял решение касательно этого вызова и ищу поддержки моего достопочтенного мастера.

Старейшина Лянь Чэн был несколько разочарован. Он действительно хотел, чтобы Шэнь Цинхуна настигло мгновенное просветление, чтобы он забыл о вызове и о тех проблемах, которые возникли у него из-за Цзян Чэня. По правде говоря, его ученик никогда не позиционировал себя как соперника Цзян Чэня. Он в любой момент мог вполне достойно отказаться от любых претензий и сохранить лицо, поведя себя как и положено первому гению. Он мог даже подружиться с Цзян Чэнем.

И все же…

Шэнь Цинхун сделал иной выбор.

Старейшина Лянь Чэн был разочарован в нем. Он не одобрял решение Шэнь Цинхуна бросить Цзян Чэню вызов. Хотя он и Старейшина Юнь Не кричали друг на друга и стучали кулаками по столу, все же они уважали друг друга. Но ни один из них ни за что не признался бы в этом.

Видя, что Глава Дворца Дань Чи и Старейшина Юнь Не поддерживают Цзян Чэня, Старейшина Лянь Чэн не мог поверить, что этот юноша добился успеха обманным путем. Когда месяц назад Шэнь Цинхун начал мешать имя Цзян Чэня с грязью, Старейшина Лянь Чэн был здесь ни при чем. Просто он был учителем Шэнь Цинхуна по боевому дао и не мог публично осудить своего ученика. В то же время он хотел воспользоваться этой ситуацией, чтобы как следует оценить силу воли Шэнь Цинхуна. Казалось, что, хотя он обладал выдающимся потенциалом в дао пилюль, он все еще был слишком незрелым.

— Как же ты собираешься соревноваться с ним? — спросил Старейшина Лянь Чэн.

— Ваш ученик хочет соревноваться с ним в выплавке пилюль; победитель определиться после одного матча. Поэтому ваш ученик хотел бы одолжить у вас Котел Небесного Пика.

Старейшина Лянь Чэн пристально посмотрел на Шэнь Цинхуна:

— Насколько я знаю, у Цзян Чэня есть Котел Небесного Плетения, который ему подарил Глава Дворца Дань Чи. С моим котлом ты будешь с ним в равных условиях.

В истории Королевского Дворца Пилюль было пять драгоценных котлов: Небесного Рассеивания, Небесного Плетения, Небесного Пика, Небесного Происхождения и Небесного Древа. Из этих пяти Котел Небесного Рассеивания и Котел Небесного Древа тщательно оберегались в Зале Предков Королевского Дворца Пилюль. Еще не появился тот, кому суждено было использовать их.

У Главы Дворца Дань Чи был Котел Небесного Плетения, который тот отдал Цзян Чэню. У Старейшины Лянь Чэня был Котел Небесного Пика, а у Старейшины Юнь Не — Котел Небесного Происхождения. Эти пять драгоценных котлов были свидетелями возвышения и славы Королевского Дворца Пилюль. Уже сотню лет ни Котел Небесного Пика, ни Котел Небесного Плетения не появлялись на публике. Поэтому Старейшина Лянь Чэн засомневался, когда Шэнь Цинхун обратился к нему с просьбой.

Когда эти божественные котлов будут использованы друг против друга, это станет великим, запоминающимся событием, которое попадет в анналы истории. Старейшина сомневался, поскольку не хотел, чтобы битвой, которая войдет в историю, стала битва, в которой Шэнь Цинхун потерпит сокрушительное поражение.

http://tl.rulate.ru/book/27/534576